

Время, 1861. №3

Одинъ поступокъ и нѣсколько мнѣній
г. Камня Виногорова въ № 8
газеты «Вѣкъ»

Извѣстно, что многіе издавна считали Пушкина безнравственнымъ поэтомъ. Уже поэма *Русланъ и Людмила* возбудила негодованіе почтенныхъ мужей, и одинъ изъ *увѣнчанныхъ* *первоклассныхъ* *отечественныхъ* *писателей* привѣтствовалъ ее стихомъ:

«Мать дочери велить на эту сказку
плюнуть».

Негодованіе на безнравственность Пушкина съ тѣхъ поръ не прекращалось. Въ свое время органомъ его былъ знаменитый журналъ *Маякъ*. Казалось бы, что вопросъ столь давнишній въ настоящее время уже достаточно проясненъ, что

рѣшеніе его теперь уже ясно всякому, хотя мало свѣдущему чловѣку. Но

«Ничто не старо подь луною»

Нынѣ вопросъ о Пушкинѣ возникъ съ большеюсилою чѣмъ когда бы то ни было. Одинъ наиболѣе читаемый и лѣбимый публикою журналъ — «Современникъ» и нѣчто, Богъ знаетъ что такое, называющееся *Домашнею Бесѣдою* г. Аскоченскаго, постоянно стараются внушить публикѣ, что Пушкинъ есть писатель *безнравственный*. Въ этомъ и «журналъ» и «нѣчто» вполне согласны и разнятся между собою только въ томъ, что г. Аскоченскій считаетъ Пушкина *противонравственнымъ*, то—есть принимаетъ его за гибельное проявленіе темныхъ, злыхъ силъ; «Современникъ» же признаетъ его только *ненравственнымъ*, то есть пустымъ празднословомъ, не производящимъ благого нравственнаго вліянія на читателей. Такъ что «Современникъ» очевидно ставитъ

Пушкина еще несравненно ниже, чѣмъ г. Аскоченскій.

Новый органъ нашей литературы, еженедѣльная газета *Внѣкъ*, начавшая выходить съ нынѣшняго года, недавно обнаружила, что и она раздѣляетъ мнѣніе о безнравственности Пушкина. До свѣденія нѣкотораго участвующаго въ *Вѣкѣ*, г. Виногорова, дошло, что 27 ноября въ Перьми, на музыкально-литературномъ вечерѣ, г-жа Толмачева читала стихотвореніе Пушкина, *Египетскія ночи*. И вотъ «*Вѣкъ*» въ лицѣ г. Виногорова объявляетъ, что чтеніемъ такого произведенія попирается *всякое чувство стыдливости*, и обнаруживается *безнравственный взг лядъ* на вещи.

По видимому, нельзя не прійти въ умиленіе при видѣ такихъ заботъ о нравственности, такого ревностнаго старанія устранить все, что могло бы повредить ей. Какъ не порадоваться, видя что люди безкорыстно служатъ столь высокой и чистой идеѣ! Какъ не восхититься голубиною чистотою этихъ добрыхъ душъ,

съ такимъ омерзеніемъ встрѣчающихъ всякое оскорбленіе идеала, носимаго ими въ сердцѣ!

Мы сами очень любимъ нравственность; мы преданы ей всею душою и готовы содѣйствовать ея процвѣтанію всѣми силами. А между тѣмъ, признаемся откровенно, мы никогда не могли удержаться отъ нѣкотораго подозрѣнія и даже ужаса, когда встрѣчали жаркое ратованіе за нравственность. Намъ становилось страшно, когда мы замѣчали, съ какимъ презрѣніемъ поборники нравственности смотрятъ на людей; какъ легко они вѣрятъ всякой гадости, всякому разврату человѣческой души; съ какою жестокостью они торопятся оскорбить другихъ въ томъ, чтъ для cadaго составляетъ высочайшую святыню — въ нравственномъ достоинствѣ человѣка. Насъ поражала непоколебимая увѣренность поборниковъ въ чистотѣ и глубинѣ ихъ убѣжденій, тогда какъ оскорбленія, ими наносимыя, часто вытекали изъ узкости нравственныхъ понятій или изъ грубаго

непониманія, изъ нелѣпаго перетолковыванія чужихъ поступковъ или, какъ мы видимъ у г. Аскоченскаго, изъ угожденія ханжеству и мракобѣсію

Но кромѣ всего этого — есть важная причина, которая, какъ намъ кажется, должна бы воздерживать cadaго отъ упрековъ въ безнравственности. Нравственность есть идея, способная возбуждать фанатизмъ, то-есть слѣпое, неразумное увлеченіе; можно различаться въ пониманіи нравственности, но каждый питаетъ отвращеніе и презрѣніе къ тому, что считаетъ безнравственнымъ. Поэтому тѣ, которые бросаютъ въ лицо человѣку упрекъ въ безнравственности, должны помнить на какую силу они опираются, какую струну они задѣваютъ въ сердцахъ людей. Они должны помнить, какимъ страшнымъ орудіемъ они дѣйствуютъ, къ какому сильному, хотя часто слѣпому инстинкту они обращаются. Прибѣгать къ этому орудію вызывать противъ кого-нибудь эту силу, которая всегда дѣйствуетъ несоразмѣрно и чаще всего сильнѣе, чѣмъ

слѣдуетъ, намъ всегда казалось дѣломъ несправедливымъ, нечестнымъ.

То, что г. Камень Виногоровъ сдѣлалъ въ отношеніи къ г-жѣ Толмачевой какъ нельзя лучше показываетъ, до какой степени могутъ быть *нравственны* обвиненія въ безнравственности.

Въ самомъ дѣлѣ, выступивъ проповѣдникомъ нравственности, г. Камень Виногоровъ въ отношеніи къ г. Толмачевой сдѣлалъ поступокъ неизвинительный, оскорбляющій всякую нравственность. Не имѣя ни малѣйшаго основанія, кромѣ собственнаго *неправильнаго* перетолковыванія словъ корреспондента «Спб. Вѣдомостей» (извѣстіе о литературномъ вечерѣ въ Перьми напечатано было въ этой газетѣ), онъ рѣшился публично, въ газетѣ, предполагать въ г. Толмачевой какія-то *кавалерскія убѣжденія*, намекать на какія-то *отношенія слушателей* *госпожи Толмачевой къ поклонникамъ Клеопатры*, толковать о томъ, что г. Толмачева *принимала вызывающее выраженіе* и т. п.

Наносить подобныя оскорбленія, мазать другихъ грязью почерпаемою въ собственной головѣ, не позволить себѣ никто, уважающій нравственность.

Само собою разумѣется, что мы не видимъ никакой нужды заступаться за г-жу Толмачеву. Защищать ее рѣшительно не отчего. Думать, что слова г. Камень Виногорова могутъ набросить на нее хотя малѣйшую недобрую тѣнь, значило бы оскорблять г-жу Толмачеву. Смотрѣть серьезно на обвиненіе, значитъ допускать возможность вины. Кто и почему имѣетъ на это какое-нибудь право въ настоящемъ случаѣ?

Мы убѣждены, что г-жа Толмачева встрѣтитъ слова г. Виногорова, съ тѣмъ презрѣніемъ, котораго они заслуживаютъ.

Съ нашей стороны, повидимому гораздо приличнѣе — сильно вознегодовать на г. Виногорова. Но, если у насъ и вспыхнуло сперва негодованіе на его поступокъ, то скоро и погасло. Возможно ли сильно разсердиться на поступокъ до такой степени уродливый? На дѣло, которое

очевидно сдѣлано не только безъ всякаго *злумышленія*, но и вообще безъ всякаго *мышленія*; которое прямо вытекло изъ дикихъ, безсознательно процвѣтающихъ инстинктовъ г. Виногорова и, какъ мы надѣмся, никому вреда причинить не можетъ?

По этому вмѣсто негодованія, у насъ скоро родилось болѣе мирное чувство. Намъ захотѣлось — желаніе чисто литературное — порыться немножко въ этой статейкѣ, которая украшаетъ собою 8 № «Вѣка», анализировать сердечныя чувства и внутреннія убѣжденія этого удивительнаго г. Виногорова. Намъ это показалось очень любопытно.

Нравственныя разсужденія у г. Виногорова начинаются вотъ гдѣ. «Г-жа Толмачева прочла публикѣ *Египетскія ночи*. Какъ? это стихотвореніе, въ которомъ Клеопатра громогласно предлагаетъ *купить цѣною жизни одну изъ ночей ея*? И дама рѣшилась публично произнести этотъ стихъ»?

Г. Виногоровъ дальше ничего не говоритъ. Что же такое совершалось въ его головѣ? Вы видите, что онъ находитъ неприличнымъ не столько цѣлое стихотвореніе, сколько стихи

Скажите, кто межъ вами
купить

Цѣною жизни ночь мою?

Но что же особенно соблазнительнаго нашолъ г. Виногоровъ въ этихъ стихахъ? Развѣ онъ не помнитъ, какое впечатлѣніе они произвели и должны производить?

Рекла — и ужасъ всѣхъ
объемлетъ.

Г. Виногоровъ очевидно къ ужасу не расположенъ; у него рождаются при этомъ другія ощущенія. Предложеніе Клеопатры онъ принимаетъ за одно изъ тѣхъ предложеній, которыя дѣлаются не громогласно, а потихоньку; продажа ея

ночей ему напоминает известную продажу...

Ну, виноватъ ли Пушкинъ, что его стихи производятъ на г. Виногорова такое превратное впечатлѣніе? Что они не очищаютъ его мыслей, а только приводятъ въ броженіе всю мерзость, накопляющуюся въ воображеніи?

И въ самомъ дѣлѣ, нужно особенное настроеніе для того, чтобы найти хоть тѣнь соблазнительнаго, или раздражающаго чувственность въ *Египетскихъ ночахъ*. Ужасъ въ нихъ покрываетъ развратъ; вы чувствуете жестокою нравственную борьбу, которую переносятъ пирующие; вы видите, что душа человѣка возмущается противъ одного услажденія чувствъ, что она требуетъ еще чего-то и съ странною радостью хватается за ужасъ и смерть, чтобы заглушить своютоску, помирить себя съ пустотою жизни. А г. Виногоровъ при этомъ думаетъ о клубничкѣ поручика Пирогова.

На слова г-жи Толмачевой: «что воспитаніе, безъ знакомства съ наукою и

жизнью положительно губить нашихъ дѣвушекъ», г. Виногоровъ восклицаетъ: «какой удивительный нравственный взглядъ — знакомить дѣвушекъ съ наукою и жизнью посредствомъ чтенія «Египетскихъ ночей!»»

Понятно, отчего г. Виногоровъ такъ сильно опасается за дѣвушекъ; онъ воображаетъ, что имъ непременно прійдутъ въ голову тѣже хорошія мысли, какъ и ему. Удивительныя понятія о дѣвушкахъ! Что же безнравственнаго могутъ онѣ вынести изъ «Египетскихъ ночей»?

Научатся, что ли, *продавать свои ночи цѣною жизни*? На это очень мало вѣроятія. Бываетъ вѣдь еще хуже, потому что, какъ справедливо замѣтила г-жа Толмачева, дѣвушки продаютъ себя за болѣе дешовую цѣну, выходя замужъ по расчету и т. п... Но г. Виногорову все мерещется свое; все это дѣйствуетъ на него совершенно особеннымъ образомъ. Ему показываютъ Египетъ, а онъ все думаетъ о Мѣщанской, да о Вознесенскомъ проспектѣ.

«Русская дама, пишетъ онъ, статская совѣтница, явилась передъ публикою въ видѣ Клеопатры, произнесла предложеніе *купить цѣною жизни ночь ея*, и какъ произнесла!»

Чтоже это то такое? *Русская дама, статская совѣтница...* вѣдь это прямо значить: до чего унизилась столь высокая особа! Понимаете, — если бы это была коллежская регистраторша или мѣщанка, если бы это была француженка или итальянка — то дѣло бы было совсѣмъ другое. До чего вы доходите, г. Виногоровъ, въ вашей ревности о нравственности! Такъ по вашему, что годится для какой-нибудь мѣщанки, то безнравственно для статской совѣтницы? Такъ по вашему актриса, являющаяся не то что въ видѣ Клеопатры, а даже въ видѣ Лукреціи Борджіи, непременно *попираетъ всякое чувство стыдливости*? Вотъ не ожидаль, я думаю г. Аскоченскій, что найдеть себѣ такого ревностнаго сподвижника въ *Внѣтъ!*

Произнесла предложеніе «купить цѣною жизни ночь ея». Мы уже знаемъ какъ мило понимаетъ г. Виногоровъ это чудовищно–страшное предложеніе. Въ такомъ смыслѣ онъ приписываетъ его и г–жѣ Толмачевой; разумѣется это не болѣе, какъ милая шутка, которую г. Виногоровъ позволилъ себѣ, увлекшись своимъ игривымъ остроуміемъ. Далѣе г. Виногоровъ дѣлаетъ выписку изъ письма корреспондента «Спб. Вѣдомостей» и снабжаетъ ее замѣчаніями въ скобкахъ. Вотъ она:

Большіе глаза ея (т. е. глаза г–жи Толмачевой) то загорались, то меркли и погасали.. (ахъ! какъ это должно быть хорошо!) все лицо ея измѣнялось безпрестанно, принимая то нѣжно–страстное, то жгучее, то неуловимо–суровое, то горделиво–вызывающее (ого!!) выраженіе.

Положимъ, что корреспондентъ «Спб. Вѣдомостей» чрезвычайно похожъ на тѣхъ литераторовъ–обывателей, о которыхъ

говорить Щедринъ, что онъ смѣшонъ и дѣлаетъ смѣшнымъ то что описываетъ, но чувствуете ли вы совершенно ясно, что выраженія въ скобкахъ изображаютъ чувства какого-то сатира, при взглядѣ на женщину? Г. Виногоровъ въ полномъ волненіи. Замѣчаете, какъ онъ понимаетъ взгляды?

Горделиво-вызывающее выраженіе онъ очевидно понялъ совершенно по своему. Да, передъ такими господами читать стихи дамамъ не слѣдуетъ; для нихъ всякая дама и всякіе стихи являются только съ одной стороны. Но только напрасно г. Виногоровъ тревожится; мы увѣрены, что въ Перьми не мало найдется мушинъ совершенно иныхъ понятій, и что едвали даже найдутся способные прійти въ такой сильный соблазнъ, до какого дошолъ г. Виногоровъ.

Вы видите, какъ много личнаго, субъективнаго въ сужденіяхъ г. Виногорова? другими словами, онъ судить о другихъ по самому себѣ и обвиняетъ г-жу Толмачеву въ нечистотѣ

своихъ собственныхъ помысловъ.
Продолжаемъ выписку изъ корреспондента:

Стихъ, слѣдующій за предложеніемъ Клеопатры — купить ночь цѣною ея жизни — извѣстный стихъ: «И взоръ презрительный обводитъ кругомъ поклонниковъ своихъ» прочитанъ былъ дѣйствительно съ такимъ выраженіемъ презрѣнія и злой насмѣшки, молодая женщина такимъ взоромъ обвела при этомъ безмолвную толпу, что будь это въ театрѣ — зала навѣрно потряслась бы отъ аплодисментовъ.

Читатель легко сообразить, что этотъ рассказъ долженъ былъ подѣйствовать на г. Виногорова. Г. Виногорову довольно было одного слова *поклонникъ*, находящагося въ стихѣ, для того чтобы воображеніе его разыгралось и разгорѣлось. И вотъ онъ пишетъ:

Я не театральная зала, но я потрясся отъ аплодисментовъ, прочитавъ эти

удивительныя строки. Не совсѣмъ я понялъ только какое отношеніе имѣли посѣтители пермскаго литературнаго собранія, слушавшіе г-жу Толмачеву, къ поклонникамъ Клеопатры, а отношеніе впрямю было, потомучто иначе, зачѣмъ бы г-жа Толмачевой обводитъ полпу взоромъ «презрѣнія и злой насмѣшки.» Но мнѣ неизвѣстны пермскія тайны и оттого понято, что я тутъ ничего не понялъ...

Г. Виногоровъ здѣсь прикидывается, какъ будто онъ разсуждаетъ; но читатель видитъ, что этого нѣтъ, что въ словахъ Виногорова нѣтъ и слѣдовъ логики. Такъ что все это есть явная игра болѣзненно-настроеннаго воображенія. Г. Виногоровъ не знаетъ пермскихъ тайнъ, но онъ такъ легко ему представляются; его мысли такъ мутны, что онъ не можетъ вообразить себѣ чистыхъ словъ и дѣйствій; самымъ естественнымъ образомъ онъ не могъ удержаться отъ намека на то, что

Судя по совѣсти своей

считаетъ вѣроятнѣйшимъ и
возможнѣйшимъ.

Таковъ, какъ намъ кажется, психологическій процессъ, который довелъ поборника женственности и стыдливости до безстыдныхъ предположеній и до публичнаго оскорбленія женщины.

А между тѣмъ, будь у г. Виногорова хоть сколько-нибудь чистоты помысловъ и вѣры въ хорошее, онъ могъ бы убѣдиться, что г-жа Толмачева дѣйствовала сознательно, разумно и была далека отъ всего, что такъ легко приходитъ въ голову г. Виногороду. Въ самомъ дѣлѣ, корреспондентъ приводитъ намъ ея мнѣнія, высказанныя ею послѣ чтенія, именно по случаю упрека за выборъ *Египетскихъ ночей*. Вотъ что говорила г-жа Толмачева:

Это немножко странно; если мы всѣ, и мужчины, и дамы, и дѣвицы, читаемъ не конфузясь, грязные и безнравственные французскіе романы, смотримъ, не

краснѣя, сальные и пошлые французскіе водевили, то было бы въ высшей степени смѣшно и дико не прочесть публично прекрасное, художественное произведеніе великаго поэта. «Египетскія ночи» фактъ историческій, подражательницъ Клеопатрѣ между нами навѣрно не явится, а особенной нескромности въ стихахъ я не вижу. Не кажется ли ужь особенно нескромнымъ выраженіе: «Скажите, кто межъ вами купить цѣною жизни ночь мою?» Но вѣдь если это не говорится, то за то дѣлается на каждомъ шагу: мы чуть не каждый день видимъ, какъ молодыя женщины продаютъ себя — и не на одну ночь, а на всю жизнь, противнымъ, дряхлымъ, но богатымъ старикамъ... Воспитаніе, безъ знакомства съ наукою и жизнью положительно губить нашихъ дѣвушекъ. Ихъ замкнутость, вѣчныя помочи, на которыхъ ихъ водятъ, развиваютъ не умъ, требующій знанія, а воображеніе, только раскаляющееся отъ вѣчныхъ тайнъ и загадокъ. Рашель играла по большей части очень страстныхъ женщинъ. Всѣ были восхищены ея игрою

увлечены ею но никто не былъ на столько пошль, чтобы назвать ея роли нескромными. Неужели же это одна грустная привиллегія актрисъ, на которыхъ до сихъ поръ еще смотрять дико; и я не могу взять на себя никакой подобной роли, потомучто я — жена статскаго совѣтника? Какой нелѣпый взглядъ! Въ Англии, на примѣръ, молодая дѣвушка взойдетъ смѣло въ вертепъ разврата, узнаетъ всѣ его грязныя и печальныя стороны, и отъ этого ничуть не сдѣлается безнравственной. Наоборотъ: она только узнаетъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, пойметъ ее и будетъ женщиной серьезной.

Вотъ что говорила г-жа Толмачева тому офицеру, который напомнилъ ей о дурномъ впечатлѣніи ея чтенія на многихъ маменекъ и дѣвицъ. Вчитайтесь въ слова г-жи Толмачевой; пересмотрите ихъ нѣсколько разъ, потомучто мы собираемся представить вамъ самый разительный примѣръ нѣжной стыдливости г. Виногорова. Повѣрите ли? онъ находитъ,

что женщина попираетъ стыдъ и обнаруживаетъ *кавалерскія* понятія, если произносить слова, которыя вы сейчасъ прочитали. Дѣло доходитъ до того, что перечитывая слова г-жи Толмачевой, г. Виногоровъ начинаетъ язвительно стучать ногами и иронически кричать: *браво! бисъ!* (не вѣрите — загляните сами въ 8 № «Вѣка»).

Глубина цѣломудрія по истинѣ непостижимая! Не поможетъ ли намъ понять ее хоть г. Аскоченскій? Что касается до насъ, то по слабому своему разумѣнію мы не находимъ другого объясненія, кромѣ глубокаго развращенія мыслей самаго г. Виногорова. Онъ не можетъ себѣ представить, чтобы женщина говорила серьезно, спокойно, разумно о предметахъ касающихся отношеній мужчины и женщины. Говорить о развратѣ, о нарушеніи семейнаго счастья, о несчастной судьбѣ дѣвушекъ, выходящихъ замужъ по расчетамъ или по принужденію словомъ о всей страшной безсмыслицѣ, часто господствующей въ отношеніяхъ двухъ

половъ; о тѣхъ жестокихъ страданіяхъ, которыя проистекаютъ съ одной стороны изъ преобладанія чувственности, съ другой стороны изъ власти предразсудковъ, говорить обо всемъ этомъ, — г. Виногоровъ не считаетъ приличнымъ для женщины. Какъ видно онъ думаетъ, что говорить объ этомъ серьёзно, цѣломудренно, строго — могутъ только мужчины; женщина же, заговоривъ объ этихъ предметахъ, по его мнѣнію непременно увлечется въ нечистыя мысли и не можетъ ихъ избѣжать никакимъ образомъ. Женщина — есть существо слабое — таково по истинѣ *кавалерское* убѣжденіе г. Виногорова. Дьяволъ силенъ — сказалъ бы г. Аскоченскій.

По нашему мнѣнію и для мужчинъ и для женщинъ одинаково возможна серьёзная, цѣломудренная рѣчь обо всемъ, что необходимо входитъ въ сферу понятій зрѣлаго человѣка. Если на слушателей рѣчь производитъ различное впечатлѣніе, то виновать не тотъ, кто произноситъ рѣчь. Это впечатлѣніе намъ кажется можно правильно подраздѣлить на три рода:

1) Одни, или поймутъ сказанное въ настоящемъ его смыслѣ, или вовсе ничего не поймутъ, — тутъ не можетъ быть и рѣчи о вредѣ.

2) Другіе обидятся, что имъ сказали о томъ, о чемъ они будто бы и понятія не имѣли — обидчивость несправедливая и совершенно безвредная.

3) Третьи наконецъ (и въ числѣ ихъ г. Виногоровъ), поймутъ въ сказанномъ только то, что вызываетъ чувственность, найдутъ въ немъ только поводъ къ игрѣ своей фантазіи. Для такихъ сказанное будетъ вредно, очень вредно. Но сдѣлайте милость, найдите мнѣ, что же не вредно для такихъ господъ? Что можетъ исцѣлить ихъ? Очевидно только одно — повтореніе серьезныхъ рѣчей о тѣхъ же предметахъ, внушеніе имъ серьезнаго взгляда на нихъ.

Тоже самое мы должны сказать о содержаніи и о впечатлѣніи поэтическихъ произведеній.

Пушкинъ, какъ поэтъ и какъ великій поэтъ, необходимо обнимаетъ всѣ сферы жизни. Какъ поэтъ вполнѣ, безусловно

(для русскихъ Пушкинъ есть мѣра всякой поэзіи), онъ понимаетъ жизнь глубоко, серьёзно.

Онъ вдохновень былъ свыше
И съ высоты взиралъ на
жизнь.

Поэтому Пушкинъ — мы приводимъ это, какъ одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ его неизмѣримой великости — былъ цѣломудренъ и чистъ въ высочайшей степени. Его стихотворенія могутъ быть прекраснѣйшею школою для истиннаго пониманія любви, для проясненія грубыхъ понятій, для возведенія животнаго чувства, иногда возникающаго въ человѣкѣ, въ истинно-человѣческой идеаль. При этомъ мы конечно предполагаемъ правильное, глубокое пониманіе произведеній Пушкина, а не такое, къ какому напримѣръ способенъ г. Виногоровъ.

Г. Виногоровъ разумѣется очень хорошо чувствовалъ, противъ кого онъ говоритъ. Онъ понималъ, что имя Пушкина опасный

врагъ для такого рыцаря, который выступаетъ на поприще во имя нравственности и стыдливости. Вотъ почему онъ съ особенною радостью ссылается на стихотвореніе того же Пушкина.

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ
наслажденьемъ

Напрасныя усилія! Смѣшно ссылаться на шутку, на мимолетное слово, которое было произнесено вовсе не съ тѣмъ, чтобы раздаваться публично. Но всего замѣчательнѣе то, что и здѣсь, и въ этомъ мимолетномъ словѣ, высокая натура поэта не измѣнила себѣ. Г. Виногоровъ не замѣчаетъ, что весь смыслъ, все значеніе стихотворенія уже содержатся въ этомъ первомъ стихѣ:

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ
наслажденьемъ

Можетъ ли быть что-нибудь чище, какъ полная свобода отъ власти *наслажденій*?

Только г. Виногорову могло вообразиться, что описаніе этихъ наслажденій, сдѣланное *въ шутку*, составляетъ главное содержаніе стихотворенія, что поэтъ только шутя не дорожить наслажденіями, а на самомъ дѣлѣ только и дорожить что ими. Вообще — о дѣвушкахъ, о женщинахъ и о поэтахъ, г. Виногоровъ самага страннаго мнѣнія. Онъ очень подозрителенъ, Богъ знаетъ по какой причинѣ.

Таковы внутреннія убѣжденія и сердечныя чувства г. Виногорова. Читатель видитъ, что они вполнѣ объясняютъ его поступокъ. Одно другого стоитъ.

Въ 9 № *Вѣка* явилась замѣтка отъ редакціи. Редакція объявляетъ, что она получила письмо отъ г. Михайлова, касающееся статьи г. Виногорова, что это письмо и свои *объясненія* она напечатаетъ въ слѣдующемъ № «Вѣка». Но, что еще раньше этого письма, она *приняла всѣ мѣры, чтобы извиниться передъ г-жею Толмачевою* Сердечно радуемся

деликатности, которую такимъ образомъ обнаружила редакція. Мы вполне увѣрены, что она тутъ не виновата, а только одинъ г. Виногоровъ способенъ не только подумать то, что онъ думалъ, но изложить это письменно, пересмотрѣть, отправить въ типографію продержатъ корректуру и наконецъ спокойно выпустить въ свѣтъ свою чудовищную статью
